

Глава 19

Лю Бин не считал себя человеком сентиментальным.

Но почему-то слова, произнесённые Сунь Цинем, хоть и были всего лишь звуками, сорвавшимися с губ, обладали невероятной тяжестью, от которой, казалось, перехватывало дыхание.

— Ты...

— Ваше Величество! — юноша попытался поднять Сунь Цина, но тот лишь крепче стиснул его руку. — Разбойник Дун в Лояне казнит невинных, выдавая их за преступников, чтобы приписать себе заслуги! Горожане боятся его солдат и не смеют поднять головы, но почему придворные войска, почему те полковники Северной армии, что получили свои посты по праву наследования, позволяют ему творить такое?

Было неясно, то ли кровь на его одежде не успела высохнуть, то ли он в смятении духа просто не хотел её стирать. Когда солнечный свет коснулся его глаз, Сунь Цину почудилось, будто он снова видит тот стремительно взметнувшийся клинок и брызнувшую во все стороны алую кровь.

Этот мир, казалось, окончательно прогнил.

Он прогнил ещё тогда, когда вспыхнуло восстание Жёлтых повязок, когда они сами решили стать разбойниками Чёрной горы.

Но за пять лет в этой армии он, человек неграмотный, понял: одними набегами и грабежами этот мир не спасти.

На обратном пути, миновав гору Маншань, он в смятении много думал.

Он думал о том, что им нужен предводитель, который поведёт их за собой. Иначе зачем бы генерал Чжан Янь принял временное помилование от двора?

Он думал о том, как, найдя этого государя, они смогли удержать уезды в области Хэнэй.

Думал о господине Лу, который, получив весть от Его Величества, остался в столице, чтобы стать их соратником, несмотря на смертельную опасность, проявив поразительную стойкость духа.

Думал...

Взгляд Лю Бина на мгновение дрогнул, и он встретился с полными тревоги глазами собеседника.

— Ты говоришь, Дун Чжо в столице казнит невинных, чтобы присвоить себе заслуги?

— Да! наших людей тоже убили прямо на улице, — сквозь зубы процедил Сунь Цин, и в голосе его звучала такая ненависть, будто он готов был живьём сожрать врага. — Я расспросил жителей Лояна. Они говорили туманно, но с тех пор, как этот тиран вошёл в город, каждые два дня его отряды возвращаются извне, принося с собой головы «разбойников».

Лю Бин нахмурился.

— Но мы находимся в областях Хэнэй и Хэдун и ни разу не видели, чтобы силянские войска направлялись к столице!

Сыма И, услышав это, содрогнулся.

— Дун Чжо приказывает солдатам покидать город под покровом ночи, а на рассвете возвращаться, чтобы все думали, будто его армия сильна и многочисленна. Так он сможет подчинить себе Пять полков Северной армии. А что до голов так называемых разбойников...

— Ах!

Сунь Цин уже принёс ответ.

Это были простые жители столичных окрестностей. Мирные люди, не способные себя защитить. Никакие не разбойники.

Но их головы служили прекрасным доказательством для столичных сановников: свирепые воины, приведённые из Силяна, умеют убивать. И пусть те, кто привык к роскоши и покою, не смеют делать резких движений.

— Неужели в Лояне никто этого не знает? — пробормотал юноша.

Должно быть, кто-то был обманут, кто-то догадывался, но боялся возразить, а кто-то, зная правду, счёл, что его собственная безопасность превыше всего, и сделал вид, будто ничего не происходит.

Он, выросший в современном обществе, не мог постичь, как такое возможно. От одних только рассказов его мучило, и перед глазами всё плыло.

Но он уже был частью этого мира, да ещё и в такой роли, что упасть в обморок было непозволительной роскошью.

Голос Сунь Цина доносился до него, чёткий, словно высеченный из камня:

— Ваше Величество, Поднебесной нужен ваш клич, чтобы вы вернули себе престол!

— Господин Лу и господин Сыма, вдохновлённые вашими действиями в Хэнэе, решили остаться в Лояне в качестве ваших соратников. Господин Лу также сказал, что постарается выхлопотать должность для упомянутого вами в письме Лю Бэя, чтобы он стал вашей опорой.

— Кстати говоря, кто такой этот Лю Бэй?

Лю Бин ответил инстинктивно:

— Он — благородный и добродетельный муж из императорского рода Хань.

— Это превосходно.

Юноша моргнул.

Превосходно?

Кажется... да.

Он опустил взгляд и встретился с глазами, полными такой горячей надежды, что, казалось, она вот-вот выплеснется наружу. От их сжатых рук исходил обжигающий жар, от которого покалывало ладони.

Эта надежда была пугающе тяжёлой, словно перед ним медленно восходило алое солнце.

Мгновение назад он думал, что может продлить жизнь одному человеку, но не в силах спасти весь мир. Теперь же ему необъяснимым образом казалось, что его нынешнее положение как нельзя лучше подходит для того, чтобы что-то изменить.

«Кажется, мне всё-таки придётся стать этим императором.

По крайней мере, стоит притворяться ещё какое-то время»

— Я, кажется, слишком на него надавил? — почесал в затылке Сунь Цин с сокрушённым видом.

Чжан Янь бросил на него косой взгляд.

Его немного задевало, что подчинённый, пережив потрясение, первым делом бросился не к нему, а к «государю». Но, вспомнив, с какой целью он сам приказал всем почитать Лю Бина как императора, он смирился.

— Его Величество решил всерьёз заняться боевыми искусствами, чтобы укрепить тело и быть готовым к любым неожиданностям. Разве это не хорошо?

И всё-таки дети императорского рода, пока над ними есть защита, по большей части — ни на что не годны!

Знаменитый мастер меча Ван Юэ ещё несколько лет назад был приглашён покойным императором в столицу, чтобы обучать воинов Тигриной гвардии, а заодно и Сына Неба с принцами. Казалось бы, Лю Бин, если и не стал мастером, то хотя бы должен был владеть основами. А он, оказывается, совсем ничего не умеет.

Если бы не ответ Лу Чжи, подтвердивший его личность, Чжан Янь с его-то пронизательным умом непременно снова заподозрил бы обман.

Сунь Цин, не зная о мыслях командира, указал в сторону тренировочной площадки.

— Я слышал, что учёные, когда усердно занимаются, готовы подвесить себя за волосы к потолочной балке, лишь бы не уснуть. Но чтобы знатный человек во время тренировок так голову укутывал — такого я не видел.

Чжан Янь промолчал.

Этого он объяснить не мог. Что такого, если у императора есть свои причуды?

Покойный император устраивал во дворе рынок и назначал собак чиновниками. Что странного в том, что нынешний государь просто обматывает голову несколькими слоями ткани?

— Разумеется, потому что голова Его Величества ценнее, чем у других. Пойдём, нечего тут паяться. Если государю понадобится спарринг-партнёр, он сам нас позовёт.

— А, — отозвался Сунь Цин и пошёл за командиром.

Когда их фигуры скрылись из виду, Лю Бин наконец выдохнул с облегчением.

Небеса, как же ему было нелегко!

Какие ещё причуды!

Он просто боялся, что от резких движений слетит парик. Поэтому ему пришлось тайком снять его, спрятать, а голову обмотать впитывающей пот тканью, чтобы не выдать себя.

Но, разминаясь и стараясь развить хоть какие-то навыки самообороны, он не мог не думать о том, что парик, хоть и выглядит пока убедительно, рано или поздно станет проблемой. Нужно было найти какое-то долгосрочное решение.

Иначе что делать, если повторится ситуация, как при первой встрече с разбойниками Чёрной горы?

Тот, кто сорвёт с него парик, будет очень «приятно» удивлён.

Нет, такого допускать было нельзя!

Но когда он посмотрел на юг, то тяжело вздохнул.

Думая о своём положении, он понимал, что оно всё же гораздо лучше, чем у настоящего императора в Лояне...

Когда Ли Жу медленно вошёл в зал Цзядэ, тихие разговоры мгновенно смолкли.

Он остановился и увидел, как за столом маленький император попытался выпрямить спину и сделать вид, будто он как ни в чём не бывало читает книгу. Но Ли Жу заметил, что свиток тот держит вверх ногами.

Из-за угла ширмы за столом виднелся краешек платья.

Подол юбки.

Он выдавал ту, что пряталась там, — супругу нынешнего Сына Неба, Лю Бяня, госпожу Тан.

Губы юного государя дрогнули. Он попытался говорить невозмутимо:

— Зачем ты пришёл?

Ли Жу, подняв рукава, исполнил безупречно вежливый поклон.

— Пришёл дать Вашему Величеству совет.

Лю Бянь мёртвой хваткой вцепился в свиток.

Держал он его правильно или вверх ногами — для него не имело никакого значения. Ему просто нужно было что-то сжимать в руках, словно это придавало ему сил говорить.

— Совет... совет!

Лю Бянь в ярости вскочил, его лицо мгновенно побагровело.

— Вы смеете в тронном зале говорить о свержении Сына Неба, так к чему здесь эта показная вежливость! Говорите, что вам нужно.

За ширмой госпожа Тан до боли стиснула зубы, её глаза застлала пелена слёз.

Она знала характер Лю Бяня, знала, что в обычной жизни он и резкого слова сказать не мог. Череда потрясений после смерти покойного императора превратила его в пуганую птицу.

Но даже у самого робкого человека есть предел терпения.

То, что какой-то военачальник с окраины, прикрываясь спасением государя, посмел прилюдно заявить о желании сменить правителя, было для юноши несмываемым позором. Позором для всего рода Хань.

— Ваше Величество ошибается, — в мягком голосе Ли Жу звучал яд. — Если какие-то слова осмелились произнести в тронном зале, значит, в них была необходимость. Сколько человек вчера на утреннем совете открыто возразили?

Лю Бянь содрогнулся.

Эти слова пронзили его грудь, словно клинок.

Вспомнив вчерашнюю сцену, он снова ощутил то отчаяние, в котором они с госпожой Тан недавно вместе плакали.

Сколько человек возразили?

Тайфу Юань Вэй, глава клана, четыре поколения которого занимали посты трёх гунов, молчал, стоя в зале, словно старый пенёк!

Глава ведомства шаншу, Лу Чжи, гневно возразил, но Сыма Фан удержал его и заставил склонить голову перед разбойником Дун Чжо.

В тронном зале было так много людей, но казалось, будто уже наступила зима, и холодный ветер превратил их всех в ледяные глыбы.

Зал был пуст, ни в ком не осталось горячей крови.

— Поэтому на месте Вашего Величества я бы не стал навлекать на сыкуна дурную славу, а сам, следуя воле Неба, отрёкся от престола. Так будет лучше, и это позволит избежать лишних...

— Вон!

Лю Бянь в ярости прервал Ли Жу и швырнул свиток, который с громким стуком ударился о пол.

Верёвка, связывавшая бамбуковые планки, была завязана непрочно. От сильного удара свиток разлетелся на части прямо перед Ли Жу. Одна из планок отскочила и чиркнула по его одежде.

Видя, что Ли Жу и шагу не сделал назад, юноша пришёл в ещё большую ярость. Схватив со стола нефритовую подвеску, он метнул её советнику в лицо.

Ли Жу поднял руку и поймал её прямо в воздухе.

— К чему такая ярость, Ваше Величество? Я же сказал, что пришёл сегодня с советом, а не...

— Хм?

Голос Ли Жу оборвался, сменившись удивлённым звуком.

Он внезапно понял, что нефритовая подвеска, верёвочку от которой он держал в пальцах, показалась ему до странности знакомой.

Он и так не испытывал к Лю Бяню особого почтения, а сейчас и вовсе перестал заботиться о приличиях. Ли Жу достал из-за пазухи другую, расколотую нефритовую подвеску и с изумлением обнаружил, что та, которую должны были отправить с письмом Лу Чжи, была

точной копией этой.

Нет, если быть точным, та, что он перехватил, была даже немного ярче.

Она больше походила на настоящий, безупречный нефрит.

<http://bllate.org/book/16006/1571430>